

Книги Ильи Крымова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ДЕТИ СИЛАНЫ. ПАУК ИЗ БАШНИ
ДЕТИ СИЛАНЫ. НАТЯНУТАЯ ПАУТИНА
(в двух томах)

БЕЛОЕ ПЛАМЯ ДРАКОНА
ДРАКОНОВ БАСТАРД

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИЛЬЯ КРЫМОВ

ДЕТИ СИЛАНЫ. НАТЯНУТАЯ ПАУТИНА

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Москва. 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К85

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1047

Художник
М. Поповский

Крымов И.
К85 Дети Силаны. Натянутая паутина: Фантастический роман в двух томах. Т. 1. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2398-9
ISBN 978-5-9922-2399-6 (т. 1)

Борьба на полях мировой политики никогда не была делом чистым и благородным, а везде, где нужны темные таланты, Бриан эл'Мория являет себя мастером. На протяжении четырнадцати лет он сидел в сердце своей паутины и дергал за ниточки, меняя судьбы народов, ведя империю к большему величию и могуществу. Но порой сталкиваются интересы столь многих опасных игроков, что даже Великий Дознаватель не может положиться на армию преданных агентов и солдат. Ему придется покинуть холодный Старкран и отправиться в знойный Арадон, чтобы лично сразиться с претендентами на мировую гегемонию. Ну а пока смертные строят друг другу козни, старые боги мира тоже не дремлют. Бойтесь, ибо Дракон Времени пробудился, и восшествие его на трон мироздания означает Конец Времен! Теракты, убийства, интриги, головоломки, предательства и тайны... Паук вновь берется за дело.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2398-9
ISBN 978-5-9922-2399-6 (т. 1)

© Илья Крымов, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

Любая идея, подавляющая свободу орудиями террора, вместе со своими сторонниками обречена на гибель — рано или поздно страх умирает и начинается бунт.

Эпитафия

Часть первая ПРЕДПОСЫЛКИ

Папки с документами лежали передо мной в правильном порядке. Я прочитал и досконально изучил все их содержимое, каждый снимок, экспертное заключение, показания свидетелей и информаторов. Я проштудировал семь толстых томов дела и готовился вынести приговор, поставить точку.

Окинув зал взглядом сквозь прорези серебряной маски, я откинулся на спинку кресла и обратился к приставу:

— Введите подсудимых.

Два тощих желтоглазых субъекта в черных плащах ввели сквозь правую дверь троих людей и одного люпса, закованных в стальные цепи. Еще два таких же мрачных субъекта ввели на серебряной цепи тэнкриса, за которым семенил монах ордена Безголосых. Тэнкриса остановили поодаль, а низкорощенных подвели к судейской ложе.

Когда подсудимых ввели, от трибун, где сидели зрители, потянуло страхом, злобой и болью. Особенно сильно боль исторгали близкие и родственники жертв, а их там находилось больше полусотни душ, и это только те, кто смог приехать в Старкран на время процесса. Одна немолодая женщина человеческого вида порывалась покинуть свое место и приблизиться к подсудимым, но сидевшие рядом люди удерживали ее.

— Подсудимые предстали перед вами, мой тан!

Я наклонился вперед, рассматривая их лица.

Женщина с черным каре, растрепанная, испуганная, измученная, такая тонкая и изящная, что трудно поверить в ее человеческое происхождение. До того как ее схватили и бросили в холодную камеру, она, должно быть, казалась невероятно красивой, изысканной, неземной...

— Феличе Анна Легуарди... — Она вздрогнула, услышав свое имя. — Симер Растерти, Морт Кович, Ноле Альпельт. Вы обвиняетесь в преступлениях против закона Мескийской империи. Вам инкриминируются следующие правонарушения: похищение, заточение в неволе, пытки, принуждение к занятию проституцией, работорговля, учреждение подпольных тотализаторов, многочисленные убийства. Ваша вина в глазах этого суда доказана. Вы признаете ее и раскаиваетесь?

Феличе Легуарди не могла ответить, она судорожно пыталась проглотить ком, который застрял в ее горле, слезы текли из карих глаз, потрескавшиеся губы дрожали. Ее спутники смотрели в мраморный пол — на черно-белый герб Мескии — и молчали, зная, что стены этого зала глухи к мольбам. Люпс глухо заворчал. Его волчья природа требовала сопротивления, драки, однако желтые глаза ташшаров-надзирателей пристально следили за ним, и люпс чувствовал потустороннюю опасность этих существ.

— Засим я, как Великий Дознаватель Мескийской империи, властью, данной мне Императором, приговариваю вас к пожизненной ссылке в Настронг без права на помилование. Глас возмездия имеет возражения?

— Никаких возражений, мой тан! — широко улыбнулся Элшир эл'Фэй, поправляя красную манжету своей черной мантии.

— Глас милосердия?

— Мой тан! — Альвейн эл'Драза поднялся со своего места и приблизился на несколько шагов, поддерживая полы белой мантии. — Могут лишь напомнить вам, что обвиняемая Легуарди беременна и должна родить через три месяца, и это... — молодой тан посмотрел на четверку преступников, — это очевидно. Я прошу вас о послаблении...

— О милосердии. Вы просите меня о милосердии.

— Да, мой тан! И...

— Я понял вас. Легуарди, встаньте с колен.

Она повиновалась с трудом.

— В связи с вашим положением и по ходатайству тана эл'Дразы суд намерен проявить милосердие. Вы будете обследованы докторами с целью установить вашу способность к рождению здорового ребенка. Если таковая подтвердится, до дня родов вы будете содержаться в госпитале под надзором и уходом. — Я сделал паузу, изучая ее меняющийся эмоциональный

фон. — Но как только разрешитесь от бремени, ребенок будет определен на поступление в Схоллум Имперрус¹ и продолжит свой путь как будущий служитель Имперры. Вы же разделите судьбу своих поделщиков.

Истерика началась сразу, и Феличе Легуарди упала на пол, захлебываясь рыданиями. Я дал ей робкую надежду и немедленно отнял, причинив боль еще более страшную.

— Я считаю это более чем высокой честью, — продолжил я, перекрывая раздражающие звуки, издаваемые этим извивающимся человеческим существом, — и актом истинного милосердия. Мы взрастим ваше чадо и превратим его в орудие священной воли Императора, мы сделаем из него или нее достойного и честного человека, которого никогда не смогла бы воспитать женщина вроде вас, госпожа Легуарди. Оттащите эти отбросы в сторону, выведите в центр главного подсудимого.

Их отвели на цепях к левой стене и приковали внутри большой клетки для подсудимых. Передо мной встал тэнкрис, мой сородич... хотя многие благородные таны предпочли бы побрататься с бездомной дворнягой, нежели признать мое родство.

— Лайотрадо эл'Шимар, вы умудрились пасть так низко, как не всякому под силу.

— Тан эл'Мория! — радостно и нагло улыбнулся он, демонстрируя длинные клыки. — Могу лишь сказать, что я пал с тех высот, на которые вы, мой добрый друг, никогда не сможете взгромоздить свое мохнатое паучье брюшко!

Я посмотрел на трибуны и, распалив Голос, постарался вычленить эмоции нескольких тэнкрисов, совсем потерявшиеся на фоне волн возмущения низкорожденных. Эти тэнкрисы, высокородные, среброглазые и беловолосые, облаченные в дорогие костюмы, сидели молча и безучастно взирали на судопроизводство, однако же их чувства бушевали. Они видели своего сородича в цепях и оковах, вынужденного беседовать со мной, глядя снизу вверх. Это задевало их гордыню.

— Тан эл'Шимар, вам инкриминируются те же преступления, что и вашим уже осужденным поделщикам. Только ваша вина много крат тяжелее. Вы являлись организатором преступного сообщества, которое похищало или обманом отнимало свободу у подданных Мескии, вынуждало честных жен-

¹ Школа Жнецов (*тэнкр.*).

щин торговать своими телами, занималось работоторговлей. Помимо всего прочего, вы обвиняетесь в пытках...

— Неужели во всей Мескии теперь пытаться можно только Жнецам?..

— Убийствах...

— Низкорожденные мрут как мухи по осени, таков их удел...

— Изнасилованиях...

— Они сами этого хотели! — театрально расхохотался он.

— Людоедстве.

Безумец закашлялся, видимо, подавившись слюной.

— Я — тэнкрис, — тихо вымолвил он, восстановив дыхание, — я — хищник, стоящий на вершине пищевой цепи. Кто смеет отнимать право на охоту, данное мне древностью моей крови?!

Под конец он сорвался на громогласный вопль, резко выступая вперед, и ташшарам пришлось натянуть серебряные цепи.

— Кто ты такой, чтобы судить меня, никчемный выродец?! Кто ты такой?!

Я сложил пальцы замком перед своей грудью и решил немного помолчать. Нужно было время, чтобы впитаться взглядом в этот кипящий котел эмоций, варившихся в голове полного безумца, на котором, видимо, сказались последствия всех кровосмесительных связей его предков. Я хотел запомнить все это, чтобы позже попытаться воссоздать накал страстей, терзавших его.

Я помнил, когда Лайотрадо эл'Шимар впервые появился в столице. Пять лет назад, утром восемнадцатого дня второго месяца одна тысяча девятьсот девятого года от Низложения Кафаэриса, в семь часов утра на перрон вокзала КГМ¹ прибыл локус «Хохочущий Максимилиан». К нему помимо обычных вагонов было присоединено три лишних, дорогих, изготовленных на заказ, украшенных посеребренной лепниной. Они привезли в Старкран высокородного тана Лайотрадо эл'Шимара вместе с супругой и двумя детьми. Появление никому доселе не известного, но несомненно благородного и весьма состоятельного тана было встречено с помпой, предварительно щедро оплаченной самим гостем столицы, и не осталось без вни-

¹ Корпус государственных магов.

мания бульварной прессы. В тот же день на мой стол легло небольшое донесение о происшедшем.

Я читал их сотнями в день и сортировал как памятки в большой картотеке. Бесплезная информация со временем отсеивалась, самые же ценные донесения попадали в закрытую, тайную и наиболее защищенную малую картотеку.

Вниз спустилось распоряжение найти информацию о новом жителе столицы. Лайотрадо эл'Шимар, как выяснилось через полтора часа, прибыл в Старкрар из южных колоний, с черного континента Ньюбани. Ушло еще некоторое время, чтобы связаться с колониальными властями и получить от них объемный доклад, скучноватый, сухой, вполне обыденный. Предки тана эл'Шимара несколько поколений назад поселились в колониях, чтобы собственноручно управлять пожалованными им сапфировыми копиями. Впоследствии они довольно успешно преумножали свой капитал и никуда не лезли, пока наконец наследник рода не решил устроить триумфальное возвращение в Старкрар.

Лайотрадо эл'Шимар купил прекрасный особняк в Императорских Садах. Еще тогда меня несколько насторожил его выбор — тот самый особняк, в котором некогда жил и, увы, окончил свои дни Сильвио де Моранжак, да пребудет его душа со Все-Отцом. По окончании расследования особняк так и не обрел нового хозяина, год от года приходя во все больший упадок, — богатые покупатели предпочитали держаться подальше от места со столь дурной славой. Эл'Шимар мог бы приобрести куда более роскошный дом с лучшей репутацией, но эксцентричный тан остановил выбор на месте, в котором приняло ужасную смерть множество народу.

В сонме городских легенд Старкрара существовала одна, гласившая, что в самые холодные зимние ночи, когда идет сильный снег и облака затмевают ночные светила, как тогда, когда погибли де Моранжаки, можно увидеть, что в пустых окнах их особняка блуждают некие «белые тени». Глупость, конечно, — де Моранжаки были убиты при свете дня в обеденное время, хотя факт их гибели действительно вскрылся холодной зимней ночью. В городской легенде эти обстоятельства смешались.

После покупки недвижимости в моей голове зазвенели первые тревожные колокольчики, и я подумал, что за этим таном нужно установить ненавязчивую слежку.

Тем временем из-за моря приходило больше сведений. Мы узнали, что благородный тан являлся ценителем ньюмбанийского фольклора и культуры племен каннибалов долины Имрези. Истории о том, как отважный эл'Шимар отправился в добровольный плен к одному из имрезийских вождей, дабы вести переговоры об освобождении пятерых плененных шахтеров, захваченных седмицей раньше, восхищали. Каким-то образом он смог стать лучшим другом вождя и вывести пленников из стойбища невредимыми, что подарило ему славу отчаянного храбреца в кругах старкрарских дворян. Впоследствии тан эл'Шимар еще не раз отправлялся в экспедиции по долине Имрези и писал любопытнейшие очерки о жизни непокоренных аборигенов, которые издавались в журналах Мескийского географического общества.

Этот тан начал активно, но осторожно и мудро осваиваться в высшем свете столицы. Сначала он заводил знакомство с теми, с кем состоятельному аристократу познакомиться легче всего: с банкирами. А как известно, общий банкир связывает состоятельных господ крепче кровных уз. Именно через жрецов золотого бога эл'Шимар стал знакомиться с представителями высшей аристократии. Он придерживался образа далекого от столичной жизни провинциала, который был достаточно остроумен и образован, умел слушать, ненавязчиво льстить и в целом позволял им чувствовать их полное превосходство.

За какой-то неполный год он перезнакомился и завязал дружбу с абсолютным большинством высших аристократов. Оказалось, что у эл'Шимара имелся вкус, стиль, знания в области макроэкономики и геополитики. Представители верхушки партии монодоминантов уже сами с радостью знакомили его со своими друзьями, он выставлял своего чемпиона на скачках, устраивал роскошные приемы для узкого круга, водил гостей по обновленным коридорам «особняка смерти»; жертвовал церкви, выкупал из муниципальной собственности те редкие приюты и работные дома, которые еще не выкупил я, платя втридорога, чем вызывал уважение и зарабатывал репутацию истинного филантропа.

Шел к концу второй год столичной жизни тана эл'Шимара, и монарх пригласил его с семейством на Осенний бал в Императорский дворец для личного знакомства. Я не знаю, что увидел в этом тэнкрисе владыка или чего он не увидел, но с того памятного осеннего вечера блистательное восхождение тана

на вершину общества несколько замедлилось, а затем и вовсе остановилось. Император не одарил эл'Шимара особой благосклонностью, и вскоре начались последствия. От чужака не отвернулись, нет, просто наши политические деятели сочли его бесперспективным и со свойственным тэнкрисам прагматизмом перестали тратить на него лишнее время.

Несколько месяцев эл'Шимар безвылазно просидел в Императорских Садах, пережидая зиму, но стоило прийти весне, как он ринулся скакать по Старкрару беспокойной блохой. Его интересовали южные и восточные районы, самые нереспектабельные и самые злачные. Были отмечены многочисленные контакты эл'Шимара с сомнительными личностями. Со стороны это выглядело как длительный загул потерпевшего фиаско дворянина, и мне пришлось перераспределить ресурсы Имперры на более ценные направления. Как выяснилось позже — это было ошибкой.

Я возглавлял организацию со дня, когда она была мною же и основана четырнадцать лет назад. Имперра служила подспорьем прочим органам имперского правосудия, искала, ловила, вела дознание, вербовала, сажала в тюрьму и казнила, защищала государственные секреты и добывала секреты других государств. Порой Имперра расследовала дела, не имевшие яркого политического значения, но вызывавшие широкий общественный резонанс. К сожалению, несмотря на развитую сеть осведомителей и отшлифованные до совершенства методы, даже мы не могли знать всего, что творилось в гигантской стране и ее громадной столице.

В то время страна обеспокоилась участившимися случаями исчезновения девиц и женщин в западных провинциях, откуда за два месяца пропало больше трех десятков особей разного возраста и видовой принадлежности. В конце концов эта весть стала обсуждаться в Старкраре, Скоальт-Ярд и Имперра получили указания свыше и начали действовать. Многомесячное расследование позволило выявить нескольких замешанных в этом деле сутенеров, проследить маршруты перевозки живого товара до самой столицы и захватить нескольких работорговцев прямо на одной из неприметных улочек Клоповника. Схваченных отвезли в Паутину и передали дознанию с пристрастием. Нам предстояло узнать, что мы заметили лишь верхушку айсберга.

На протяжении последовавших месяцев мы вскрывали сеть подпольных казино, публичных домов и салонов с услугами высшей степени оккультного содержания. Всех мерзостей, что там творились, не хватило бы книги описать. Со временем нам пришлось связать с этим делом еще несколько случаев исчезновения детей и подростков. А еще — череду зверских убийств. Истерзанные тела куртизанок оставлялись на улицах столицы, дабы быть найденными, и в первых двух случаях мне удавалось скрыть это от общественности. Потом убийца совершил целых три акции за ночь, дабы точно не остаться в неизвестности, и одной мы найти не успели.

Впоследствии изуродованные куртизанки находились, стояло рассеяться утреннему туману. Их было столько, что Имперра не успевала все спрятать. Представляю, с какой силой разрасталась бы массовая истерия, знай подданные настоящее число жертв. Повторялась кровавая эпопея четырнадцатилетней давности, народ вновь вспомнил о Кожевнике, только тот сдирал с жертв кожу, а этот забирал себе часть органов и мяса. За неуловимость остроумцы прозвали душегуба Саймоном Попрыгунчиком. Несколько раз его видели со спины и даже преследовали напрямик от мест очередного «подвига» констебли, но он неизменно ускользал.

Сначала я не связывал нахлынувшую волну похищений с появлением серийного убийцы, но когда в одной из мертвых куртизанок опознали женщину, не так давно объявленную в розыск, эти два дела объединили. Были пойманы, осуждены и приговорены сотни участников преступного сговора, многих я допрашивал сам, выворачивая их души наизнанку, но личность главаря оставалась в тени. Вся эта организация была похожа на зеркало, по которому пришелся сильный удар камнем, — длинные ломаные линии трещин пересекали его лик, деля на тысячи мелких кусочков, и никакого вразумительного целого отражения они явить не могли.

Трудно поверить, что весь этот фурор устроил один-единственный тэнкрис, владевший Голосом, позволявшим ему быть в двух местах одновременно. Я не мог этого знать, ибо Голос тана эл'Шимара не был занесен в Единый реестр Голосов.

Уже четырнадцать лет Имперра собирала сведения о Голосах всех тэнкрисов Мескии, и это был тяжелейший труд — ведь нас, тэнкрисов, насчитывалось мало лишь в соотношении с

другими народами империи. К тому же благородные таны не горели желанием сотрудничать, нам приходилось давить на каждого в метрополии, а уж до колоний руки совсем не доходили.

Честно говоря, следующий мой шаг был полным безумием — ведь я решил устроить обыск в доме одного из высокородных танов, не имея ничего, кроме косвенных доказательств его связи с некоторыми фигурантами. Казалось бы, это мелочь для того, кто обладает почти необъятными полномочиями, однако все меняется, когда речь заходит о серебряной крови. В Мескии есть закон, гарант которого — сам Император, и все без исключения обязаны ему следовать, особенно когда высшая знать чувствует в тебе угрозу и подвергает жесткой критике каждый шаг.

И все же длительная слежка показала, что за время своих скачек по Старкрану Лайотрадо эл'Шимар больше пяти раз лично встречался с субъектами, позже проходившими по делу о пропавших женщинах. Для хорошего юриста этот довод был хрупким узором инея на стекле, а не железной причиной. Тем не менее я рискнул.

В одну и дождливых ночей на особняк эл'Шимара опустил ся полог тяжелого магического сна. Оперативники подразделения «Серп» проникли в дом, а также установили контроль по периметру. Явился монах ордена Безголосых, и лишь когда все семейство эл'Шимар лишилось Голосов, магический сон развеяли. Опытные сыщики Имперры исследовали каждый квадратный сантиметр здания, от них не должен был скрыться ни один тайник, ни одно подозрительное пятно. Вместе с ними работали маги-криминалисты.

Мы не нашли никаких документов или других материальных свидетельств связи Лайотрадо эл'Шимара с преступным спрутом. Казалось, что это провал, но фортуна улыбнулась нам в конце концов. То, что следователи случайно обнаружили в потайной камере, наполненной вечным льдом, встроенной в стену подвала за старинным пыльным комодом, поразило их. Целый набор подмороженных органов совершенно определенного происхождения. Лайотрадо эл'Шимар был взят под стражу немедленно.

Неожиданно для самих себя мы схватили за горло Саймона Попрыгунчика. Дабы убедиться окончательно, я сам провел допрос, используя свой Голос, и заставил его сказать правду.

А всего через седмицу мы схватили эту четверку: Легуарди, Растерти, Ковича и Альпельта — старших руководителей спрута. Выяснилось, что эл'Шимар был их главарем, но без его постоянного руководства эти воротилы преступного мира не смогли держаться в тени долго. После пристрастных допросов они показали на эл'Шимара.

Когда ему был задан вопрос касаясь преступного синдиката, о котором он на предыдущих допросах не заикался, тэнкрис извинился с вежливой улыбкой и заверил, будто не знал, что нас интересовало что-то кроме его гастрономических предпочтений, а так бы, конечно, обязательно поведал все о своем небольшом подпольном предприятии. Это было правдой, к стыду своему признаю, — я так удивился неожиданной находке, попавшей мне в руки, что временно забыл, по каким первоначальным подозрениям натравил на него агентов.

Если бы не те дурные привычки, которые эл'Шимар перенял у каннибалов долины Имрези, если бы я, полагаясь на собственные инстинкты, оплошал и обыск в его доме не дал результатов, сколько бы еще этот тан продолжал паразитировать на теле Мескии? Думаю, годы.

— Вы готовы услышать вердикт, эл'Шимар?

— Предпочитаю думать, что фарс, творящийся здесь, меня не касается, — ответил он.

— Властью, данной мне Императором и Силаной, я приговариваю вас к казни через угрызания совести. Часть вашего капитала будет изъята и разделена на компенсационные суммы для ваших жертв, а также для семей тех из них, кого вы убили. Приговор будет приведен в исполнение ровно через час, если у его величества нет альтернативного мнения. Господин Варзов?

Со своего места поднялся высокий стройный человек в костюме-тройке траурного цвета. При взгляде на этого господина на ум всегда приходило слово «безукоризненность». Оно было в состоянии одежды, прически, выбритом с маниакальной тщательностью подбородке, оно сверкало на идеально чистых стеклах серебряного пенсне... и лишь бледно-зеленые глаза убийцы наталкивали на мысль о слове «резня».

И сам не представляю, каким образом «главный уборщик» Императорского дворца оказался занят на нынешней должности, но именно Варзов передавал волю Императора относите-

льно помилований во всех судебных заседаниях, которые я вел.

— Его императорское величество не желает вмешиваться в ход процесса, тан Великий Дознаватель, — объявил Антонис.

— Благодарю.

Он немедленно удалился из зала, поскольку выполнил все свои обязанности.

— Таким образом, приговор вынесен и обжалованию не подлежит! — Я поднялся с кресла, с блаженством чувствуя, как растягиваются затекшие мышцы, взял с подставки свою трость. — Этих троих немедленно клеймить и отправить в На-стронг, ее — в госпиталь. Осужденного на смерть отвести в комнату ожидания на последнюю трапезу. Казнь будет проходить на Белом диске, и пострадавшие имеют право на места в первом ряду. На этом все, суд окончен.

Я спустился с судейской ложи, вышел через левую боковую дверь в перипетию дворцовых коридоров и вскоре достиг сравнительно небольшого и почти пустого зала, где меня ждала Себастина.

— Желаете отдохнуть, хозяин?

— Я не устал, утомлен, но не устал.

Себастина, самая лучшая, самая незаменимая, идеальная горничная, следующая за мной по жизни почти столько же, сколько я себя помню. Как обычно, в строгом черно-белом платье, соответствующем ее официальной должности, и чепце, белевшем над длинной челкой.

Она понимающе кивнула и подкатила к обеденному столу сервировочный столик. Я присел напротив дверей, а спустя десять минут ташшары ввели в зал и усадили за стол Лайотрадо эл'Шимара.

— Раскуйте его и идите. Себастина, приступай.

Себастина, получив знак, начала сервировать стол перед приговоренным. Моя горничная разложила перед ним серебряные столовые принадлежности, салфетки, выставила хрустальный штоф с картонесским вином пятилетней выдержки и серебряное блюдо, накрытое крышкой. Эл'Шимар расслабленно постукивал пальцами по подлокотникам.

— Себастина, если наш гость начнет глупить, оторви ему ухо.

— Левое или правое, хозяин?

— На твой выбор.

— Буду действовать по обстоятельствам.

Она подняла с блюда крышку.

— Телятина. Увы, наши повара не нашли в себе сил, чтобы удовлетворить самые эзотерические ваши вкусы, хотя работники морга были готовы проявить понимание, — произнес я.

— Придется довольствоваться тем, что есть, — горько вздохнул он.

Себастина наполнила бокал вином, эл'Шимар пригубил.

— Сойдет.

Он спокойно наслаждался приемом пищи, которую ему уже не предстояло переварить, преступник знал, что умрет, и не питал ложных надежд. Большинство людей на его месте находилось бы в состоянии, близком к истерике, я много раз видел такое — внезапный приход *полного* осознания своей смертности и ужас перед скорым воплощением этого осознания. Но как тэнкрис эл'Шимар был обязан держаться достойно.

— Знаете, эл'Мория, когда я еще только-только осваивался в Старкраре, мне очень хотелось разузнать о вас больше. Было интересно, каким вы были без маски, но не нашел ни единого изображения.

— Именно на такой случай я и вымарал память о своем лице из всех анналов истории.

— Но мне все еще любопытно. Что вы прячете?

— Несколько шрамов, и только.

— Поговаривают, что под этой маской работа Кожевника. Любопытный был малый! Мы в колониях увлеченно следили за событиями в Старкраре той зимой.

— Знаю. На фоне тех событий выросли сепаратистские строения.

— И вы устроили карательную операцию, как только разобрались с малдизцами в Танда-Тлуне. Я помню бомбардировки и десант, быстрые и жестокие операции, показательные казни, устрашение. А еще — грохочущее имя Имперры, доселе никому не известное. Мое вам почтение!

— Благодарю.

Эл'Шимар отправил в рот кусочек изысканной телятины, после чего запил вином и отложил столовые принадлежности.

— Учитывая положение смертника, могу ли я попросить вас об одной мелочи?

— Желаете закурить?

— Нет-нет! — деликатно засмеялся он. — Курение вредит здоровью, знаете ли!

Остроумец, черт его дерит.

— Хотелось бы взглянуть в лицо своему палачу. Признаюсь, уродство всегда вызывало во мне чувство восхищения!

— Вы разочаруетесь.

Скинув капюшон, я отнял маску от лица. Будучи магическим артефактом, эта серебряная маска просто липла к моей плоти так прочно, что удалить ее против моей воли можно было лишь вместе с самим лицом и частью лицевых костей. Предосторожность на всякий случай.

Я уложил маску на стол и достал из внутреннего кармана плаща футляр нержавеющей стали с одноразовыми салфетками, пропитанными гигиеническим раствором. Несмотря на все достоинства маски, нагреваясь, она заставляла лицо потеть.

— Да... эти шрамы... эти узоры, конечно, красивы, но я представлял нечто более... более...

— Оплавленную плоть и обугленные кости?

— С языка сорвали! А вот глаза — да! Я просто чувствую, будто смотрю в глаза демону Темноты! Это будоражит!

Я подавил презрительную усмешку. Этот фигляр не имел ни малейшего понятия о том, что испытываешь, заглядывая в глаза *настоящим* демонам Темноты.

— На меня работает один человек по имени Конрад Кирхе. Он тоже вынужден носить маску, хотя и не стесняется своей внешности. Думаю, вид его лица привел бы вас в небольшой экстаз.

— Правда? А его можно пригласить?

— Видите ли, я слишком высоко ценю и сильно уважаю этого человека, чтобы дергать его по всяким пустякам.

Лайотрадо эл'Шимар покрутил в пальцах бокал.

— Уважаете и цените... человека. Хм. Вы действительно очень носитесь с этими облысевшими гиббонами. У нас в колониях общение с рабом без кнута в руке считается чуть ли не панибратством, а тут¹... Даже не верится, что мне придется умереть из-за них.

¹ Запрет на работоторговлю безупречно действует только в метрополии Мескиской империи.

— Вы умрете не из-за низкорожденных. Вы умрете из-за того, что нарушили имперский закон.

— Хм. Вот как? Просто мне казалось, что вы эдакий зверолов, приютивший под своим крылом всех этих недолговечных пустоголовых существ. Ведь это вы быстро пресекаете любые намеки на межвидовую рознь, где бы они ни возникали.

— Воинствующий видист в многовидовом государстве — это первый враг сего государства.

— А вы не видист?

— Я — не воинствующий.

— Понятно. Неофициальный лозунг: «Мы, конечно, выше всех, но сила — все-таки в единстве»...

— Буду с вами откровенен. — Слегка подавшись вперед, я бросил на стол скомканную салфетку, которую Себастина немедленно прибрала. — Дело не в жизнях, которые вы прекратили, и не в судьбах, которые вы искалечили. Низкорожденных много, плодятся они быстро, и большого ущерба популяции нанесено не было. Ваше поведение бросило тень на весь наш вид, что прискорбно и оскорбительно, но я осудил вас даже не за это. Я намереваюсь казнить вас за то, что вы посягнули на права подданных, гарантом которых является Император. В моих глазах вы не более чем шелудивый пес, посмевавшийся задрать лапу посреди храма. Я вас удавлю и повешу при входе на обозрение остальным шелудивым псам, чтобы уже они не смели совать свои мерзкие морды в мой храм.

— А остальные шелудивые псы — это тэнкрисы?

— В этом случае — да.

— А ваш храм?

— Меския — мой храм. И я соблюду его чистоту к вящей славе Императора. — Я поднялся, надел маску и накинул капюшон. — Пора!

Вошли ташшары и быстро заковали приговоренного в цепи. Следуя за мной, они провели его по узким пустым коридорам, которые десятками обвивали широкие, заполненные народом галереи и залы рабочей части дворца. От главного входа через парк, окружавший императорскую резиденцию, к внешним воротам нас доставил стимер. Площадь перед воротами уже была полна народу. К нужному месту мы прошли пешком под крики беснующихся подданных, изрыгавших проклятия на голову того, кого еще недавно они так боялись. Благо нас защищали солдаты, иначе приговоренный не дожил бы до казни.

Я провел Лайотрадо эл'Шимара к Белому диску. Издревле на нем происходили казни тэнкрисов, признанных государственными преступниками. Ташшары продели цепи сквозь кольца, торчащие из камня, и натянули их, заставляя Лайотрадо эл'Шимара опуститься на колени. Стоявшие кругом солдаты Имперры выставили напоказ заряженные карабины, тем самым делая немое предупреждение горячим головам, а я чувствовал нараставший накал эмоций.

Двое чародеев из ИПЧ¹ аккуратно устанавливали внутрь синематеха сиреневый кристалл ромбовидной формы. Они соблюдали осторожность, работали в перчатках, чтобы не повредить и не запачкать артефакт — носитель информации — кристаллы были крайне хрупки и капризны в эксплуатации. Корпус синематеха закрылся, и чародеи направили объектив на меня, пришел в движение боковой рычаг, пошла запись.

— Лайотрадо эл'Шимар признан виновным в многочисленных преступлениях против народа Мескийской империи и приговорен к смерти через угрызения совести! Приговор будет приведен в исполнение немедленно! Палачом выступает Бриан эл'Мория, Великий Дознатель Мескийской империи! — провозгласил один из пяти Жнецов, стоявших рядом с Белым диском.

— Последнее слово? — спросил я.

— Я невиновен! — выкрикнул приговоренный и издевательски расхохотался. — Вы взяли не того!

Я передал трость ближайшему агенту и приступил к эл'Шимару, положил одну руку на его темя, вторую — на шею, нащупал пульс. Прежде мой Голос позволял чувствовать и видеть эмоции живых существ, но после приобретения благодати Императоров он усилился стократно. Теперь я мог внушать эмоции на расстоянии, но по привычке устанавливал физический контакт.

Мой Голос проник внутрь эл'Шимара, и я внедрил в него чужеродные эмоции. Все то время, что его судили, преступник не выказал никаких признаков раскаяния, буянил и смеялся,

¹ Институт предметного чародейства. Отпочковавшаяся от Корпуса государственных магов кафедра, получившая статус отдельного учебно-исследовательского учреждения. В отличие от Корпуса, в котором всегда имелся уклон на воспитание боевых магов, ИПЧ занимается развитием и обучением магов сугубо мирных профессий, например, обслуживающих технику с магическими элементами конструкции.

глядя в лица тем, кому причинил боль. Это животное не могло и не желало раскаиваться. Я заставил его.

Все началось как легкая дрожь озноба, выступил пот, затем его серебряные глаза стали метаться, а на наглом благородном лице проявились морщинки, отражавшие мысли, внезапно появившиеся в больном мозгу. Казнимого начала бить крупная дрожь, такая, что он не мог даже сжать кулаки; из окривевшей трещины, в которую превратился рот, потекли бессвязные звуки, скулеж, стоны. Он начинал *осознавать*. Я подкрепил свое воздействие сгустком всего того, что жгло души страдальцев, попавших в его руки, и тех, кто любил их. Матерей и отцов, лишившихся дочерей. Мужей, потерявших жен. Братьев, потерявших сестер. Детей, лишенных матерей.

Мой Голос разбил оборону его нигилистского эго и принудил к чувству. Трупы совести и стыда полезли из самых темных частей его сознания, где были давно и глубоко похоронены. Эл'Шимар начал рвать на себе роскошные белые пряди. Он брызгал слезами и слюной, оголяя скальп и даже выдирая небольшие его кусочки, по пальцам серебряными струйками текла кровь, а потом он потянул руки к тем, чьего прощения теперь жаждал. Он не мог быть прощен, но существование с таким огромным чувством вины было мучительнее расплавленного свинца, льющегося под кожу. В визгах и столах он упал на Белый диск, потеряв все силы, лишившись всего, что делало его высокородным таном, гордым и непреклонным. И он стал молить о смерти.

Один из Жнецов поднес ко мне футляр с лежащей в бархатной формочке серебряной мизерикордией. Я вложил кинжал в окровавленные пальцы осужденного:

— Искупи свою вину.

Он ухватился за оружие, как за последнюю надежду, направил трехгранный клинок себе в грудь и, судорожно дернувшись, вонзил его в сердце. Рев толпы стих на миг, а потом взлетел под небеса торжествующим громом, сопровождаемый аплодисментами. Лайотрадо эл'Шимар прекратил дергаться.

— Правосудие свершилось. Очистите площадь и позаботьтесь о теле.

— Да, митан. — Жнец подал мне трость.

— И еще кое-что. Вон там, в отдалении стоит черная карета, запряженная пегими лошадьми. Отведите ее на одну из сосед-

них улиц и ждите. Никакого насилия, никакого шума. Я желаю поговорить.

— Все будет исполнено, митан, — поклонился Жнец.

Ташшары расковали труп и погрузили его на небольшую каталку, после чего накрыли и повезли к грузовому стимеру с эмблемой Имперры на кузове, мне же предстояло вернуться во дворец. Не имея ни единой свободной минуты, завершив долгое судебное дело и последовавшую казнь, я отправился на аудиенцию к его величеству.

Дворцовый комплекс поражал размерами, его строили веками, постоянно добавляя что-то новое, перестраивая, искажая и извращая замысел зодчих прошлого. В общем и целом он был разделен на три громадных части: владения Императора, владения императрицы и третья, самая большая часть — рабочая. В ней располагалась канцелярия его величества, фактически сердце имперской бюрократии, самая мощная административная машина в ойкумене.

Из-за колонны в одной из галерей выскользнула фигура в черном плаще с капюшоном и в маске.

Инчиваль однажды спросил у меня: зачем все это? Зачем одевать солдат как мрачных вестников смерти? Зачем прятать лица и демонстрировать показательную жестокость? Имперра уже всем доказала, что неприкосновенных нет и преступление обретет возмездие, так, может, хватит этого мрачного маскарада? Я же отвечал, что страх есть инструмент более тонкий. Враги должны ощутить мои пальцы на своем горле в тот самый миг, когда мысль о предательстве только-только начнет зарождаться в их умах. Они должны предвосхитить свою кару и одуматься. Страх перед Имперрой спас не одну жизнь от виселицы.

Жнец быстро шел ко мне. Я перехватил трость таким образом, чтобы успеть освободить клинок в случае необходимости. Одно из трех наиболее удачных покушений, которые я пережил за последние полтора десятка лет, произошло именно так — убийца в облике Жнеца приблизился на расстояние удара и... лишился руки, прежде чем я что-то понял. Себасти-на, облаченная в точно такую же одежду и следовавшая в составе свиты, оторвала ему руку и тут же сломала ногу. Конечно, я сам виноват в том, что подпустил к себе убийцу, но меня порой окружает такое количество недоброжелателей, что их об-

щий негативный фон может затмить что угодно, даже намерение отнять жизнь.

Того наемника я долго допрашивал, и в результате несколько белых голов покинули насиженные места. Когда за ним приехал боевой отряд, тан эл'Керназ использовал магию и превратил в руины несколько домов. Эл'Шаволлет убил десятых солдат своим Голосом, прежде чем его сковали. Эл'Дарнон сдался без боя, блюдя чувство собственного достоинства и свято веря, что уж такого родовитого тана может ждать только элитная камера.

Я казнил всю троицу через неполную седмицу.

— Митан, мы только что получили последние сведения с тарцаро-кальмирского фронта.

— Вскрой.

Он быстро вспорол плотную провощенную бумагу и передал мне сложенный листок. Перечитав послание три раза, я спрятал лист внутрь плаща.

— Немедленно передайте в штаб, что я объявляю часовую готовность. Через час «Vultur eternatus»¹ должен быть полностью укомплектован и готов к взлету. Сообщите Патанакису, чтобы он тоже готовился, время пришло.

— Слушаюсь! — Жнец унесся исполнять приказ.

В приемной его величества оказалось пусто, лишь деловитый секретарь строчил что-то за своим столом.

— Доложите, пожалуйста.

Он обернулся в мгновение:

— Вас попросят через минуту. Присаживайтесь.

Я опустил на не очень удобный старинный стул и принялся рассматривать противоположную стену. Как и прежде, моему вниманию предстала искусная мозаичная фреска ярких цветов, каким-то чудом не потускневшая за прошедшие тысячелетия. Казалось, я знал ее наизусть. Фреска изображала первого Императора и четырех королей-тэнкрисов, покорившихся ему, признавших власть единого суверена и в символическом жесте наделяющих его олицетворением той власти — венцом. Эти четверо стали основоположниками четырех кланов Мескии, и имена троих из них до сих пор не забыты, а вот имя короля западных земель утрачено, увы.

— Можете пройти.

¹ «Вечный голод» (тэнкр.).

Я вошел в кабинет и плотно прикрыл за собой дверь. Монарх стоял у огромного, но по большей части зашторенного окна. С высоты, на которой мы находились, открывалась чудесная панорама Старкрана. Правда, раньше, чтобы наслаждаться ею, Император не нуждался в телескопе.

— Я следил за ходом казни. Виртуозно.

— Благодарю, ваше величество.

— И все же знать тебя не простит.

— Мне не нужно ее прощение. Достаточно вашего дозволения творить правосудие.

— Убийство тэнкриса. Тяжелое преступление.

— Он легко отделался.

— Хм. Охота на разумных... Знаешь, в прежние времена за это его осудили бы на пятнадцать лет заключения. Причем, исходя из его статуса, условия были бы вполне сносными. Завтрак, обед, ужин. Утренний моцион по маленькому садику. Еще раньше он заплатил бы виру, и то только если бы эти разумные принадлежали кому-то из тэнкрисов. А сегодня его казнили на радость младшим видам.

— Вы всегда говорили, что мир меняется. Должна меняться и Меския.

— Должна. И более того, я вполне согласен с твоим приговором. Ты поступил правильно. Я лишь говорю, что аристократы тебя не простят.

— Я давно махнул рукой.

Он опять хмыкнул и пару раз глухо кашлянул. Думаю, если бы не мое присутствие, он бы хорошо прокашлялся, чего требовала боль, бушевавшая в его легких.

— Людей много, — осторожно продолжил я, — гораздо больше, чем нас, и с каждым годом разница в численности растет. Когда мы — хребет империи, они — ее мышцы. Как известно, хребет, если он не окутан крепкими тугими мышцами, — это просто длинный гибкий набор костей, безвольный и слабый, а тело без хребта просто складывается пополам, какими бы сильными ни были его мышцы. Они нужны нам, а мы нужны им. И казнь одного вырожденца, как символ верности древним клятвам единства, есть приемлемая цена.

— Но аристократия тебя не простит.

— Он не был первым тэнкрисом, которого я казнил. Не станет и последним.

Император обернулся, чтобы взглянуть мне в глаза.

— Ее имя продолжает кипятить твою кровь? Спустия столько-то лет? Оставь, мой мальчик, она не стоит того.

— Не могу. Она нанесла вред родовой чести моей семьи. Мы защитили ее своей репутацией, поклялись, пользуясь вашим доверием, дали ей свободу. Она этого не оценила. Я не успокоюсь, пока не поймаю и не казню ее.

Император покачал головой и прошел к своему креслу.

— Это твоя месть, она не нужна ни мне, ни стране.

— Я прекращу ее искать, если вы прикажете.

— Лицемер. — Император тяжело опустился в кресло. — Ты ведь уже нашел ее. И если бы не долг и твой план, ты бы уже ринулся в Арбализею.

— Вы знаете меня.

— Знаю. В любом случае ты отправишься в Арбализею. Слишком много линий наших интересов сойдутся там. Но позже. А сейчас поговорим о Тарцаре и Кальмире. Ты уже знаешь?

— Получил сообщение по пути к вам.

— Вылетишь немедленно?

— В течение двух часов. Мой дирижабль уже готовят и эскадру контр-адмирала Патанакиса тоже.

— Приемлемо. Кстати, у меня кое-что есть для твоей коллекции.

Император вынул из ящика письменного стола одинокий листок и протянул его мне. То оказался винтеррейкский политический шарж. Художник изобразил мою гротескную фигуру в маске клоуна и с домашним пауком на поводке. Этим пауком на листке я пугал дряхлого старика в белом кителе, как, вероятно, представляли его императорское величество. В углу имелся винтеррейкский текст: «Не волнуйтесь, ваше величество, я присмотрю за страной и малышом, так что можете уходить спокойно!»

— Видимо, под «малышом» они подразумевают кронпринца? — спросил я. — Он же почти вчетверо старше меня.

— Видимо, они об этом не задумывались. И еще очевидно, что мое состояние становится заметным для всех. Каких-то двадцать лет назад они бы не посмели.

Я не стал отвечать, что не посмели бы. Императоры Мескии жили гораздо дольше простых тэнкрисов. Нам отмерен срок в три века, и то если повезет, но правители нашего народа несли в своих жилах благодать Императоров, они могли прожить

вдвое дольше, сохраняя силу и могущество, данные им от рождения, не дряхлея, не теряя ясности ума. Почти до самого конца.

Император уже разменял восьмой век, времена его рождения казались мне древностью, и в последние несколько лет близость смерти сказывалась на владыке все яснее. Силы покидали его, взрывной темперамент тишал, аура подавляющего могущества таяла. Ближайшее окружение не говорило об этом, но все знали, что грядет смена правителя. Больше четырехсот лет он правил Мескией единолично, после того как одолел своего отца в поединке и силой взял право владычества. Но скоро у нас будет новый Император, и это столь же волнительная перспектива, сколь и пугающая, потому что мы предвидели новый катаклизм в Квартале Теней.

Когда умер предыдущий владыка, задолго до моего рождения, Квартал Теней, уже бывший в то время карантинной зоной, пережил рецидив. Маги до сих пор не могли вразумительно объяснить природу того события, но самой правдоподобной версией являлась попытка Темноты захватить душу монарха, прежде чем та ступит на Серебряную Дорогу.

Я не знал, правда это или правдоподобная сказка от волшебников, пытавшихся скрыть собственную некомпетентность? Зато я знал точно, что, если Император умрет и произойдет новый прорыв ткани мироздания, мне придется несладко, так как именно в Квартале Теней был выстроен оплот Имперры — Паутина.

— Я не доживу до финальной стадии плана.

Эти слова упали на меня с тяжестью потерпевшего крушение дирижабля.

— Не стоит загадывать наперед, ваше величество.

— Если бы я не загадывал наперед во всем и всегда, не просидел бы на троне и десяти лет. Нет, мальчик эл'Мория, я уверен, что не доживу. А это значит, ты должен будешь завершать наше предприятие сам.

— Я сделаю все от меня зависящее.

— Нет.

— Простите?

— Не надо делать все зависящее. Ты должен завершить генеральный план. Ты его составил — тебе его и воплощать, несмотря ни на что и ни на кого.

— Ваше величество...

— Ни для кого не секрет, что мой старший сын недолюбливает тебя. И сколько бы я ни искал причин этой нелюбви, единственное, что приходит в голову, — это приказ, данный тебе в ночь того судьбоносного Йоля. В ту ночь твоя воля довела над его волей, ты заставил его подчиниться, и он не забыл этого. Он слишком похож на меня, а я помню себя в молодости, и мысль о том, чтобы склонить голову перед кем-то, была для меня неприемлема. Я думаю, именно та ночь послужила причиной его крепкой неприязни к тебе.

— Я исполнял ваш приказ.

— А я ни в чем тебя не виню. Думаю, ты в какой-то мере спас его жизнь.

— Я сыграл на руку врагу империи.

— Но победил в итоге.

Император ослабил твердый воротник белоснежного кителя, ему тяжело дышалось. Эта картина больно ударила по мне. Нестерпимы были мучения медленно умиравшего повелителя, но и я, глядя, как слабеет объект моего долгого и беззаветного почитания, разделял толику его страданий.

— Вокруг него есть сильные и умные политики, которые ненавидят тебя больше самой Темноты и всех ее продолжений. И они станут шептать ему в уши против тебя. А он будет слушать их, крепясь в своем собственном недоверии.

— Когда он станет новым Императором, ему достаточно будет сказать одно лишь слово, и я сложу с себя полномочия.

— И пора молиться Силане, чтобы он об этом не узнал.

— Ваше величество, я буду служить новому Императору так же преданно, как служу вам. Его воля станет моим законом, и...

— Заткнись уже, — поморщился монарх. — Сил нет слышать, как матерый волк заливается верным собачьим лаем. Противно, мальчик эл'Мория.

Я замолчал.

— Прости, Бриан.

Я вздрогнул. Император не должен просить прощения. Никогда. Он размяк, старость и немощ сделали его слабым, сентиментальным, ему больше не было места на престоле этой страны.

— Ты должен понять одну очень важную вещь — за тобой сила. За тобой Имперра. У тебя есть глаза и уши в каждом благородном доме страны и тебя боятся. Не зря боятся. Мой сын не знает того, что знаю я. Он не поймет и не примет той жерт-

вы, которую ты принес. До тех пор, пока он не станет хорошим правителем, будет наломано немало дров. Сейчас кронпринц даже не уверен, что сможет удержать трон, что ты не попытаешься узурпировать его, пользуясь Имперрой как оружием. Вызывая отца на поединок, я был гораздо старше, чем он сейчас, и руки мои не теряли твердости, однако стоило принять бразды правления, как все изменилось. Это очень тяжело, но такова наша доля. И ему будет тяжелее. Мир меняется, а мое время заканчивается. Так некстати. Поэтому, когда я умру, ты не будешь прыгать вокруг кронпринца, выказывая полную покорность! Держи его в напряжении! Если надо, устрани парочку подстрекателей, это заставит остальных затихнуть на время! Сделай все, чтобы удержаться на посту достаточно долго и завершить начатое!

— Ваше величество, он будет Императором. А подстрекать его будут высшие аристократы...

— Утопи, удуши, закопай живьем, похить семью, мне плевать, что ты сделаешь с ними. На кону стоит благополучие Меский в грядущих веках. Если ты потерпишь крах, страна просто надорвется и правление моего сына превратится в долгие десятилетия экономического кошмара. Это мой тебе последний приказ, Бриан. Ты должен... должен...

Надсадный кашель прервал его речь, гигант согнулся, зажимая рот ладонью, а когда отнял ее, от меня не скрылись серебристые пятна крови на белой материи перчатки.

— Ты должен довести все до конца. А еще ты должен простить меня за то, что я не смогу помочь тебе. Чувствую себя так, будто сбегая с поля боя, оставляя тебя одного. Но главное — не открывай перед ним всех нюансов. Я же со своей стороны использую все возможности, доступные мертвецу, чтобы помочь тебе из могилы.

Я терял ощущение реальности происходившего. Словно угодил в кошмарный сон, но до поры воспринимал все его ужасы как должное. В определенный момент явилось навязчивое чувство, будто худшие мысли, обретшие плоть, были не более чем игрой воображения, и пора бы очнуться, открыть глаза в темноте спальни, где я все еще верховный дознаватель Ночной Стражи в Старкраре, управляемом здоровым и всесильным Императором. Однако мне было не очнуться от этого кошмара, ибо все вокруг меня — жестокая явь, а впереди ждет долгая и мучительная дорога.

- Разрешите идти?
- Ступай.
- Я направился к двери.
- Мальчик эл'Мория.
- Ваше величество?
- Напомни им, за что нас следует бояться.
- Повинуюсь.

Меня ждал личный стимер, длинный черный «Хокран» с бронированным кузовом.

За последнее десятилетие эти механизмы значительно продвинулись к совершенству стараниями МКИ¹. Они стали больше, быстрее, надежнее, обзавелись более долговечными корпусами и мощными паротурбинными двигателями. Великому Дознавателю полагался бронированный «Бертольд Рудз» или «Хокран» с двумя «Холокенами» сопровождения, а в непосредственной близости предписывалось иметь вооруженного шофера-разведчика первой категории и мага-телохранителя на сиденье пассажира. Правда, обычно я обходился лишь шофером и Себастиной.

Стимер, тихо шипя и гудя турбиной, выкатился за ворота дворцового парка, я указал шоферу на одну из прилегавших улиц, где стояла черная карета. Возле нее терпеливо ждали двое Жнецов, а точнее — один Жнец и Себастина в плаще и маске. Я быстро вышел из стимера и пересел в карету.

Благородная тани в траурном платье смотрела на меня из-под вуали воспаленными от слез глазами. Маленькая испуганная девочка лет семи, сидевшая справа от матери, цеплялась крошечными ладошками за ткань ее юбки. Юный тан десяти лет сидел слева, его острое мальчишеское лицо было твердо как камень и бело как снег. Тяжелые чувства наполняли это крошечное пространство между нами.

— Полагаю, тани, вы гадаете, почему я приказал задержать вас?

- Хотелось бы знать, тан.
- Ради беседы.
- Слушаю вас.

¹ Мескийский колледж инженеров. Сравнительно молодое высшее учебное заведение, созданное в начале двадцатого века братьями Карнифаром и Инчивалем эл'Файенфасами. В задачи колледжа входит развитие науки, машинерии и воспитание инженеров-изобретателей.

— Я не намерен беседовать с вами, тани, — ответил я и повернулся к мальчику. — Я намерен беседовать со старшим мужчиной в роду.

Вдова поджала губы, но промолчала.

— Вы, почтенный тан, насколько мне известно, носите имя Каслерона эл'Шимара?

Он не сразу смог ответить, кажется, даже дышать в моем присутствии ему было трудно.

— Да. Это мое имя, тан Великий Дознаватель.

— Стало быть, моими стараниями теперь вы сирота.

— Да. Это так. Наполовину.

— Что ж. Поскольку теперь именно вы являетесь главой благородного дома эл'Шимаров, я могу лишь пожелать вам удачи и не терять силы воли на пути служения той великой ответственности, которая опустилась на ваши плечи. И я могу лишь принести извинения, которые ничего не исправят и никого не спасут. Извинения за то, что именно по моей вине вам пришлось так быстро повзрослеть. Тан эл'Шимар, я сделал то, что должен был сделать, и я не жалею об этом. В вашем отце жило неизбывное зло нашего народа, которое следовало уничтожить без пощады и промедления. Отныне я буду внимательно следить за вашей жизнью, и если замечу в вас отголоски его безумия, не сомневайтесь, я приду и за вами.

— Вы смеете угрожать моему сыну?! Вы! Убийца его отца!

Я применил Голос, душа материнскую ярость, и холодно заметил:

— Вы должны быть мне благодарны, тани. Я проявил снисхождение, хотя следовало отправить вас вслед за супругом. Вы не могли не знать о его наклонностях, вы знали, но ничего не сделали. Следуя путями священных семейных уз, вы, как верная жена, поступили правильно, но перед имперским законом вы такая же мерз... злодейка, как и ваш муж. Я мог бы казнить вас, конфисковать все имущество, а детей отправить в один из тех приютов, которые содержал ваш супруг и из которых регулярно пропадали дети низкорожденных. Вы до конца жизни должны молиться за меня.

Я сделал паузу, позволяя ей как следует впитать полученную информацию и следя за тем, как крошился ее внутренний стержень, как растворялась в волнах отчаяния ее решимость.

— Я слышал о другой вашей печали. У мальчика никак не пробуждается Голос, что в его возрасте заставляет испытывать

тяжкие раздумья. Примите мои соболезнования, ваша боль мне знакома. Посему не могу же я и вас отнять у сына, который даже не наделен Голосом, чтобы защититься от всех опасностей этого мира. — Очень болезненный и подлый с моей стороны удар, добивающий раненую волю женщины. Ребенок-тэнкрис без Голоса не лучше беспомощного калеки, на взгляд моих сородичей, пусть даже и ум его, и тело целы. — Вам лучше покинуть Старкрар. И метрополию тоже. Отныне имя эл'Шимаров проклято для Мескии. Плывите в Ньюмбани и никогда не возвращайтесь назад. Тан эл'Шимар, слушайте мать.

Я вышел из кареты, но вспомнил кое-что еще, прежде чем захлопнуть дверцу.

— И на тот случай, если вы решите отомстить мне в будущем, мой юный тан, даю вам совет: не плетите против меня интриг. На этом поприще я вас проглочу не жуя. Лучше вызовите меня на дуэль. Я даже позволю вам самостоятельно выбирать оружие.

Я закрыл дверцу и приказал отпустить карету. Сам же сел в стимер. Себастина устроилась рядом.

— Домой, — приказал я.

Старкрар сильно изменился за неполных полтора десятилетия. Казалось бы, это все тот же Старкрар, непомерно большой, безумно древний, жестокий, грязный и холодный северный город, чья туманная промозглая грусть так сладка для нас, его детей, чьи темные, блестящие от сырой влаги каменные закоулки хранят в себе тысячи легенд и историй. Мой Старкрар, город, бывший свидетелем великих деяний и мелочных делишек всемогущих Императоров и нищих простолюдинов.

Однако если отбросить предвзятость и тянущую боль ностальгии, понимаешь, что Старкрар изменился. Изменился, оставаясь верным себе как самой передовой столице мира, идущей в ногу со временем и даже обгоняющей это время на полшага. И видит Силана, немало моих усилий было положено на воплощение этих изменений. С покровительством монарха я участвовал во всех реформаторских проектах страны, начиная с реструктуризации оборонно-промышленного комплекса и заканчивая широчайшими реформами в экономической сфере. Это дало новый толчок прогрессу и социальному росту.

Революционный источник энергии, известный как ЯСД¹, позволил нам конструировать технику, многократно превосходящую в размерах и мощности прежние модели, и строили мы не только армодромы и шападо². Инженеры колледжа создали и воплотили проекты новых образцов строительной техники, благодаря коим средняя высота столичных зданий возросла примерно на две трети от стандарта предыдущих ста пятидесяти лет, что изрядно украсило и возвеличило город.

Также инженеры представили на суд Императора модель подвешенного трамвая на пропеллерных двигателях. Прежде хинопсы предлагали владыке провести по Старккрану трамвайные пути, но тогда эта идея не вдохновила его. Инженеры колледжа переработали концепцию и создали проект трамвайной кабины, подвешенной в воздухе на металлическом канате, которая движется за счет электричества, подаваемого по канату и заставляющего работать пропеллерные двигатели. Новая идея показалась Императору достаточно свежей и изящной, так что теперь над древними улицами скользили сверкавшие и украшенные искусной лепниной продолговатые кабины обтекаемых форм. В первые же годы своего существования воздушный трамвай привел весь цивилизованный мир в экстаз. Многие инженеры с севера и востока ездили в столицу империи лишь для того, чтобы взглянуть на новшество машинерии и ощутить незабываемое чувство плавного скольжения над улицами города и мутными водами Эстры, когда величественный ансамбль Императорского дворца предстает в совершенно ином свете.

Вскоре встал вопрос о ценности и цене электричества. Старккран пылал в ночи, но для городов поменьше ручная молния все еще была роскошью, не говоря уж о совсем провинциальных захолустьях, в которых тем не менее тоже жили подданные мескийской короны. Я смог убедить хинопсов отказаться от монополии на распоряжение электричеством и разделить их мощности между тремя конкурирующими финансовыми картелями. Хинопсы согласились, но лишь при условии, что, во-первых, контроль и досмотр за технологиями производства

¹ Ядро сверхмощного давления.

² Шагающий паровой доспех. Изобретенный Карнифаром эл'Файенфасом класс военной техники, представляющий собой многометрового (в среднем не выше 10 метров) металлического робота, работающего от энергии ЯСД, с сидящим внутри пилотом.

электричества останется при них и лишь они будут осуществлять монтаж и обслуживание бесценного оборудования; во-вторых, все доходы, которых лишатся хинопсы, расставшись с монополией, Меския возместит при первом требовании. По сути, им не нужны были деньги как таковые, просто доходы от электрической компании хинопсы использовали для развития своих проектов, и они решили расстаться с этими доходами, получив взамен дополнительное государственное финансирование. Почти безлимитное. В итоге три компании, возглавляемые тремя новыми акционерными обществами, бросились наперегонки электрифицировать страну, и вскоре они уже вели настоящие тарифные войны за гражданские и муниципальные контракты, заставляя электричество дешеветь не по дням, но наращивая объем производства. Хинопсы строили все новые и новые генераторы, тянули провода, даря новый свет все большему и большему числу подданных, сохраняя при этом все свои секреты. Меския официально стала самой насыщенной по части электроэнергии страной в мире.

Тем временем братья эл'Файенфасы в своем колледже не желали останавливаться на воздушных трамваях. После того как Инчиваль представил мне своего законченного «Демонического Сверчка», Карнифар заявил, что сможет создать новый летательный аппарат ничуть не хуже... То есть маленькое и такое простое в управлении транспортное средство, чтобы править им мог один носитель разума.

Пользуясь новыми сверхлегкими сплавами и алхимическим газом хелий-32, он сконструировал нечто, похожее на крошечный дирижабль с прикрученным снизу сиденьем, двигателями и системой управления. Больше всего это походило на металлическую рыбу с рулями высоты, похожими на рыбы же плавники. Сравнительно небольшие пропеллерные двигатели толкали легкую посудину со вполне приличной скоростью, а управлять ею после соответствующего обучения мог любой взрослый человек и даже некоторые люпсы. В среднем это было не сложнее, чем вести стимер, что зажгло пламя в сердцах первых энтузиастов малогабаритного воздухоплавания. То были состоятельные граждане, которые могли позволить себе частный заказ новинки, а после рекламной акции, проведенной корпорацией «Онтис», и начала конвейерного производства получить личный крошечный дирижабль смогли позволить себе многие.

Впоследствии новый летательный аппарат обзавелся и комфортабельной кабиной — в прототипе пилот обдувался всеми ветрами и ничто не отделяло его от небесной выси. Теперь холодные небеса над Старккраном наполнились сотнями шустрых маленьких аппаратов, рассчитанных на одного-двух пассажиров. Большинство из них имело одинаковую конструкцию, так как собиралось по стандартным шаблонным чертежам на заводах корпорации «Онтис», но, как водится, были и те, что создавались по частному заказу в этой быстрорастущей индустрии.

Сам Карнифар эл'Файенфас, несмотря на оглушительный успех своего детища, быстро потерял к нему интерес. Он надеялся создать компактное и быстроходное судно сугубо для военно-разведывательных целей, в чем все же потерпел неудачу. Его аппараты не были ни в должной степени быстрыми, ни маневренными, чтобы уходить от огня недавно распространившихся зенитных установок. По иронии судьбы именно он несколькими годами раньше разработал комплекс модификаций для некоторых моделей парометов и пулеметов, превратив их в зенитное оружие, и даже совместно с винтеррейкскими мастерами работал над первым зенитным орудием.

Опять же вооружить новые аппараты пока тоже получалось слабо, не говоря уже о хоть сколько-нибудь достойной броне. По причине разочарования и безразличия изобретателя название этому летательному аппарату было дано с легкой руки младшего брата. Инчиваль назвал аппарат стимвингом. Слово пришлось по вкусу широкой публике, так что теперь каждый тридцатый житель столицы мог передвигаться по Старккрану на высоте птичьего полета на собственном стимвинге.

Стимер быстро ехал по городу, пользуясь привилегиями, обеспеченными гербом Имперры на дверях. В окне мелькнула громада здания парламента, позади остался Мазаракский мост, затем мы пересекли почти весь Эддингтон, переехали через канал в Оливант, устремились к следующему мосту из Оливанта в Эрценвик, направились на юго-восток, последний мост через канал — мы уже в Оуквэйле, буквально в паре шагов от моего родного Олдорна. А дальше был Квартал Теней.

Черная башня-исполин, мрачным монументом нависавшая над восточными районами города, была названа Паутиной. Эту цитадель отстроили в рекордные сроки благодаря новейшей строительной технике и снабдили всем, что я пожелал

иметь в своем распоряжении для работы. При этом бóльшая часть Квартала Теней все еще оставалась опасной для жизни зоной карантина, по которой днем бродили смертоносные потусторонние сущности. Паутина была надежно защищена от них, так же как и внешние стены острова.

На самом верху, пришвартованная к башне, висела устрашающая машина сверхтяжелого дирижабля класса «Император», нареченного «Vultur eternatus». Единственное — пока что — в своем роде боевое судно таких габаритов и такого тоннажа. Построенное по специальному заказу, это бронированное чудовище являлось гордостью Карнифара эл'Файенфаса, самым большим летательным судном, когда-либо бороздившим небесные просторы, и самой смертоносной боевой машиной в мире. При этом «Вечный голод» носил на боку герб Имперры и являлся всего лишь прототипом своего класса. Безумный изобретатель пообещал, что следующий «Император» будет куда более эффективной машиной, а мой «Голод» устарел еще на стадии сборки.

«Хокран» проехался по площади Дуэлянтов и по всей улице Скрешенных мечей, к последнему особняку, за которым были лишь канал и мост в Квартал Теней. Я так и не сменил адреса.

Напротив особняка было припарковано два стимера, один из которых выглядел весьма необычно, такой модели автомобильные концерны Мескии не производили, явно авторская сборка. Второй — «Camilla Regina», роскошная красавица мира стимеров, большая, сверкающая и баснословно дорогая, собранная из лучших деталей и драгоценных материалов.

На газоне перед входом в особняк раскинулся крошечный читальный уголок — круглый участок камня среди травы с четырьмя скамьями. По задумке на них можно было сидеть и читать книги в тени старинного дуба. Я бросил взгляд на могучее дерево, на котором вот-вот должны были распуститься почки, и прошел в дом. Себастина немедленно забрала у меня верхнюю одежду.

— Монсеньор, у нас гости, — сообщил встретивший нас Луи.

— Тан эл'Файенфас и чета эл'Калипса, я понял.

— Совершенно верно, монсеньор. Пьют чай в библиотеке.

Я неспешно направился в сторону кабинета, у двери которого застал сидевшего на корточках двенадцатилетнего маль-

чишку. Прильнув ухом к старинному дереву, он пытался что-нибудь расслышать.

— Они в библиотеке, мой тан, а вы прослушиваете кабинет.

Он не отшатнулся и не вскрикнул, а лишь вздрогнул и втянул голову в плечи. У юного Товиаса эл'Калипсы была крепкая выдержка и сильный характер.

— Дядюшка, вы ведь не выдадите меня? — серьезно спросил мальчик, повернувшись ко мне лицом. — Отец будет разочарован и лишит меня благосклонности на седмицу.

— Смотря ради кого вы шпионили, мой друг. Быть может, вы вражеский агент?

— Как можно! — возмутился мальчик шепотом. — Я верен Мескии всем сердцем!

Такой серьезный. Вдвенадцать лет. Я хмыкнул под маской.

— Что ж, мой тан, если мы с вами на одной стороне, я, так и быть, не выдам вас даже под пытками.

Я взъерошил его каштановые волосы, и мальчишка, сверкнув улыбкой, в которой не хватало одного из передних резцов, быстро убежал прочь.

В своем маленьком кабинете я снял маску, обработал лицо и прошел в следующую комнату. К кабинету прилегало несколько полезных помещений, например комната с моей коллекцией. Старая страсть к оружию, созданному для хитрых убийц или самообороны, никуда не исчезла. Следующую комнату занимал зал для боевых тренировок, по которому меня неустанно гоняла Себастина, и лишь после него я оказался в библиотеке — просторной, но уютной зале с потолками высотой под три этажа, уставленной книжными шкафами.

— Надеюсь, друзья, этот дом принял вас со всем гостеприимством в мое отсутствие.

— Бри!

— Бриан.

— Тан эл'Мория!

Я похлопал Инча по плечу, пожал руку Аррену эл'Калипсе и поцеловал тонкие пальчики его жены Нэнсиди. Себастина, немедля отстранив Мелинду, подала чашку ароматного чаю, и я сел в свободное кресло.

— Казнь прошла хорошо, — скорее констатировал, нежели спросил Аррен.

— Дорогой, — тихо произнесла Нэн, — зачем об этом сейчас?

— Ты кого-то казнил? — с интересом уставился на меня Инч.

— Саймона Попрыгунчика.

— Ах! — Он закатил глаза и изобразил страдание. — А я пропустил!

— Вы ничего не потеряли, тан эл'Файенфас! Мы все видели из стимера, ужасное зрелище, надо сказать! Но Аррен отказался уезжать, хотя я умоляла!

— Прости, любимая, — сдержанно ответил безупречный тан. — Я должен был проследить за этим лично. А теперь, если ты не против, мы бы хотели обсудить некоторые вопросы государственной важности. Потом — домой.

— Я прослежу, чтобы Товиас ничего не забыл.

Благородные таны встали, провожая удаляющуюся даму, Себастина плотно закрыла дверь.

— Как самочувствие Императора? — Аррен переходил к делу при первой же возможности.

— Он слаб, — ответил я.

— Мы все об этом слышали. — На лице Инчиваля не осталось и тени обычной легкомысленной улыбки. — И это держит Старкрар в напряжении.

— Это держит в напряжении всю Мескию. — Аррен отпил из чашки крепкого чаю с молоком, но без сахара. — Ты улетаешь прямо сейчас? Я уже слышал о том, что там случилось.

— Да, — ответил я. — Заехал забрать кое-что.

— Ты улетаешь, Бри?

— В Кальмир. Был инцидент, пора вмешаться. Кто тебе сообщил, Аррен?

Безупречный тан неопределенно повел плечами:

— У меня есть отменный бинокль, и если приглядеться, можно увидеть, что на твой дирижабль поднимаются солдаты.

— Сделаю вид, что поверил, — хмыкнул я.

— Благодарю. Мне пора. — Безупречный тан промокнул губы шелковым платком и поднялся. — Сегодня мы поведем Товиаса в театр, а уже завтра он вернется в лицей. Надо воспользоваться моментом и провести с сыном больше времени.

— Совсем не жалеете малыша?

Задав этот вопрос, я ощутил короткий всполох тревоги в душе Аррена, но он молниеносно взял себя в руки. Даже не смотря на нашу дружбу, безупречный тан никогда не забывал о

моем Голосе и никогда не позволял просто так читать себя. Однако мысль о сыне всегда вызывала в нем тревогу.

— Детство коротко, ему нужно учиться еще усерднее, чтобы занять достойное место в обществе.

— У юноши пытливый живой ум, открытый для новых знаний, и отменное логическое мышление, он усидчив, старателен и благороден. Не думал перевести его в Схоллум Имперрус, пока не поздно? Я бы сделал из мальчика первоклассного Жнеца.

— И думать забудь. Мой сын не будет учиться среди сирот, — предпочел он проигнорировать шутливый подтекст.

— Как скажешь, как скажешь.

— Раз уж мы здесь встретились, — вмешался Инчиваль, — раз уж мы встретились с тобой, Аррен, покажи-ка мне свою руку!

— С тех пор как ты установил мне ее, ничто не изменилось.

— Болит?

— Да, немного.

— Сильнее или слабее, чем раньше?

— Слабее.

— Вот! А ты говоришь, не изменилось! Давай-давай!

Аррену явно не хотелось снимать кремово-белый пиджак и закатывать рукав сорочки. Но ему пришлось подчиниться, так как Инчиваль был в праве доктора. Отвинтив пластинку на внутренней стороне предплечья, Инч внимательно изучал содержимое, пока Аррен сжимал и разжимал металлические пальцы своего автопротеза.

— Ощущения в целом?

— Эта модель явно легче и удобнее, большой палец не заедает, и аккумулятор работает корректно, судорог нет.

— Отлично! Я собираю новую модель. Она будет еще легче. Думаю сделать ее на пять процентов меньше этой и возместить их искусственным чехлом, имитирующим кожу. Если ты желаешь продолжить.

— Желаю.

Итак, попытки заменить правую руку, которую я отрубил почти полтора десятилетия назад, продолжались. Увы, отратить новую при помощи магии Аррену не смогли — то ли его Голос¹ мешал, то ли раны от тленных клинков остаются на ду-

¹ Голос Аррена эл'Калипсы позволяет блокировать любую магическую активность и дарует иммунитет к магии.

ховном теле. В общем, когда Инчиваль изобрел автопротезы, Аррен вызвался стать первым подопытным среди тэнкрисов. Говорят, процедура присоединения нервов не имела эквивалентов по силе боли.

— Через седмицу проверю повторно.

Я лично проводил гостей до двери, и мы распрощались.

— А когда ты женишься? — спросил я Инчиваля, глядя на отъезжавший «Camilla Regina» из окна своего кабинета.

— Я все еще не встретил своей единственной. Пока не теряю надежды. — Инчиваль расставил на моем столе несколько небольших футляров, обтянутых черной кожей и с посеребрёнными гербами колледжа инженеров на боках.

— Чтобы найти ее, нужно начать путешествовать. Быть может, та, что тебе предназначена, живет где-нибудь в Раххии, Арбализее или даже в Ингре. Сидя на одном месте, ты ее не обретишь.

— Пока что научные изыскания держат меня крепче, чем манит призрачный шанс найти ту, что, возможно, сейчас уже замужем за кем-то. Вот, взгляни.

На протяжении многих лет инженер-изобретатель Инчиваль эл'Файенфас снабжал меня личным оружием, периодически обновляя арсенал. Сегодня как раз был один из дней, когда он явился со своими поделками.

Сначала на столе появилась пара ножей — однолезвийный и двулезвийный. Второй был баллистическим, снабжен тугой пружиной и зарядом газа, встроенным в рукоятку. Такие клинки я, как правило, носил в рукавах.

Из остальных футляров появилось ручное огнестрельное оружие. Там был слегка доработанный винтеррейкский пистолет «Пфальцер-7», которым я поголовно вооружил всех солдат Имперры, его утяжеленная мескийская модификация «Урта», под патроны калибра не девять, а двенадцать миллиметров. Также Инч предоставил мне шестизарядный револьвер «Гарантул» — простое, надежное и точное оружие. Несмотря на то что барабаны уступали магазинам по количеству снарядов, я все еще предпочитал иметь при себе хотя бы один револьвер. Можно сказать, я был романтиком этого вида оружия.

Ко всем стволам прилагался широкий выбор патронов, как обычных, так и разрывных, алхимических и с магической начинкой.

— Всем ли твоя душенька довольна? — спросил мой друг, следя за тем, как я кручу оружие в руках.

— Всем.

— Тогда двигаемся дальше! — Убрав со стола оружие, он перешел к артефактам. — Подарочек из КГМ.

Он открыл самый длинный футляр и извлек из бархатного гнезда длинную черную трость с набалдашником в виде черного же каменного шара, удерживаемого восемью серебряными паучьими лапами.

— Внутри меч, покрытый магической тайнописью, сплав алхимический, гибкий, прочный, посеребрен, все зачаровано лучшими мастерами. В теории этот клинок может наделать дырок даже в демоне.

— Надо будет потренироваться с новым оружием, хозяин.

— Разумеется, Себастина.

— Вот-вот! А мне пора!

— Постой, ты же поедешь в Арбализею?

— Конечно! — Мой друг нахлобучил на голову нелепый коричневый котелок. — Мне обещали собственный зал, где я смогу прочитать лекцию. Буду показывать свои автопротезы, а оружие пусть Карн рекламирует. Все равно его никто не купит. Мы ведь выставим на всеобщее обозрение АМ-5?

— Да, покажем мускулы.

— И Гарганто?

— Ну... мы и его покажем... как пугало. Пусть побоятся как следует.

— Знаешь, Бри, это уже не похоже на игру мускулами. Скорее уж на то, как если бы Меския прилюдно скинула портки и начала бесстыдно размахивать...

— Я понял твоё сравнение.

— Я ведь не для того участвовал в проекте «Колосс», чтобы дать воякам новую игрушку. Я делал строителя. Он мог бы строить каналы, менять рельеф земель в рекордные сроки и при мизерных затратах, осушать болота, разрушать скалы, останавливать наводнения. А вместо этого...

— Да, новое оружие. По крайней мере, Карнифар изначально видел в этом проекте именно оружие. Я всегда говорил, что, когда вы с братом работаете вместе, результаты получаются более чем...

— Со временем я начал лучше понимать ту иронию, которая мучила старика Мозенхайма. Он всю жизнь пытался сде-

лать мир лучше, а его самые востребованные творения неизменно этот мир загаживали.

Вроде бы и времени немного прошло, но он успел заметно измениться. Легкомыслие стало куда-то исчезать, и чем больше Инчиваль вкладывал в имперскую военную промышленность, тем задумчивее становились янтарные глаза гения.

Когда-то Инч делал оружие только для меня, создавал прототипы ради удовольствия, в подарок. Но со временем трудные задачи привлекли пытливый разум вызовами, и он начал творить вещи, которые я всегда находил очень полезными и поощрял его в этом. Инчиваль создал электрическую перчатку, несколько новых видов пороха, завершил работу над своим «Демоническим Сверчком» и поучаствовал в проекте «Колосс». Прошло четырнадцать лет, мескийская наука укрепила свои передовые позиции, мескийское оружие остается лучшим в мире, а Инчиваля начинали одолевать демоны, которые терзали его учителя Мозенхайма до самой смерти.

Стремясь отогнать их, я натолкнул Инча на мысль поработать в области медицины, и он сотворил чудо — автопротезы, новую надежду для тысяч калек, которая стала и его новой надеждой. Но мне все еще казалось, что я понемногу убивал душу своего лучшего друга.

— Удачно слетать, Бри, возвращайся живым и невредимым.

Инчиваль эл'Файенфас вышел за порог как ни в чем не бывало и двинулся к своему стимеру оригинальной конструкции, насвистывая какую-то веселую мелодию.

— Себастина, позови Луи и Мелинду, мы все покинем дом сегодня.

Вскоре вошел в кабинет, застегивая дорожный пиджак, высокий светловолосый картонесец Луи с тонкими аккуратными усами, служанка Мелинда семенила следом — невысокая, ладная, все еще молодая женщина с красивым круглым лицом, чьи щечки постоянно красил румянец, а глаза прятались за огромными очками.

— Вы отправитесь в Арбализею сегодня. Билеты, деньги на дорогу, покупку дома, документы. Я ничего не забыл?

— Нет, монсеньор, — ответил Луи. — Все при нас, включая подробные инструкции.

— Тан эл'Файенфас несколько дополнил мой груз, так что эти футляры тоже прихватите.

— Всенепременно, монсеньор.

— Удачи, Луи. — На пороге дома я надел маску и плащ, взял трость. — Полагаюсь на вас.

— Мы не подведем, митан, — присела в неуклюжем книксене Мелинда.

И дураку было с самого начала ясно, что вести строительство в Квартале Теней, по крайней мере, неразумно. Однако, поскольку не являлся дураком, я стройку инициировал. Главной проблемой этой территории были даже не хищные тени, а пространственные и временные аномалии, которыми кишела зона карантина. Однажды мы искали пропавшую группу сантехников две седмицы, а когда нашли, эти болваны объяснили, что отошли за выделенный им участок покурить всего на пару минут и сейчас же, докурив, примутся за дело.

Маги КГМ по первому времени были бесполезны, они практически не совались в квартал три предыдущих века, мало о нем знали и не горели желанием узнавать больше. Когда же я стал давить на господ магов, кто-то из них откопал в архивах всеимперского патентного бюро нечто, ныне носившее название «навигационная сфера Урмана». Маги из КГМ посчитали, что, если довести до ума этот незаконченный проект, получится решить проблему пространственно-временных аномалий.

Как ни странно, им это удалось. Вскоре небольшая часть пространства в квартале и над ним превратилась в безопасную территорию, внутри которой заложили фундамент башни, начали возведение оборонительного комплекса и создание обитаемого подземелья. Мы использовали последние новинки в области строительной техники, дабы возвести над Кварталом Теней мощные колонны и водрузить на них сложную систему сцепления и реконфигурации подвесных дорог, чтобы можно было передвигаться днем, пока на земле бесновались тени.

Дежурные инженеры выстроили мне прямую дорогу от внешних ворот к главному входу в цитадель. Под рев и вой теней мы въехали во чрево башни, кишевшее солдатами подразделения «Жернова» и Жнецами. Пересаживаясь с одного лифта на другой, я и Себастина забрались на самый верх. Весь путь я имел возможность слушать тихое хихиканье моей горничной — лифты не перестали странно влиять на нее.

— Добро пожаловать на борт, мой тан!

ГЛОССАРИЙ

ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ

Голоса — сверхъестественные способности различного свойства, атрибут Раскаявшихся, дарованный им богиней-матерью Силаной. Одновременно в мире не может существовать двух одинаковых Голосов.

Дети Силаны — тэнкрисы, старший разумный вид, явившийся в мир извне на заре времен. Внешне похожи на людей, но в среднем крупнее и обладают превосходящими физическими данными, более долгим сроком жизни и некоторыми сверхъестественными атрибутами. Делятся на две фракции: Раскаявшиеся и Упорствующие.

Маска — сверхъестественная способность менять обличье, превращаясь в чудовище, дарованная Упорствующим тэнкрисам Темнотой после их отречения от Силаны. «Надевая» свою Маску, Упорствующий обретает огромную силу и живучесть.

Разумные — обобщенное наименование множества разумных видов, населяющих мир под Луной.

Силана — Луна, богиня-мать, прародительница тэнкрисов, от которой они, будучи несмышлеными детьми, убежали в иной мир. Не сумев вернуть всех своих детей, Силана оставила их в новом мире, водрузив на небеса луну и оставив в помощь Раскаявшимся Голоса. После смерти их души ступают на Серебряную Дорогу, по которой отправляются в родной мир Шелан.

Слово — право повелевать демонами, данное Темнотой Упорствующим.

Темнота — древняя мрачная сущность из доисторических времен мира. Узрев тэнкрисов, возжелала забрать их себе, совратила часть детей Силаны, дабы увести в собственное измерение. После смерти души Упорствующих отправляются во чрево Темноты.

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

Реперной точкой, по которой отсчитывается нынешнее летосчисление, является низложение Императора-жреца Кафаэриса Раскольника, сопровождавшееся одной из самых кровавых войн в истории мира. На момент начала романа идет 1914 год от низложения Кафаэриса.

Несмотря на существование множества календарей разных народов, тэнкрисы издревле пользовались исключительно числительными, например: «первый день первого месяца первого года двадцатого века». Год состоит из двенадцати месяцев, месяц — из четырех седмиц, седмица — из семи суток.

КЛАССЫ ДИРИЖАБЛЕЙ МЕСКИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«**Вождь**» — разведывательный крейсер, быстрый, маневренный, миниатюрный, с парометным вооружением и полным отсутствием брони.

«**Наместник**» — массивный дирижабль среднего бронирования со слабым вооружением. Предназначен для осуществления массированных бомбардировок, перевозки десанта, грузов и дозаправки в воздухе.

«**Сатрап**» — рейдер дальнего полета, золотая середина между скоростью, вооруженностью и бронированием.

«**Диктатор**» — линдир (линейный дирижабль), крупный, тяжелый, хорошо вооруженный и отлично бронированный, созданный для того, чтобы держать удар и биться борт в борт.

«**Тиран**» — сверхтяжелая орудийная платформа с толстой броней и мощнейшим вооружением. Медлительный, неповоротливый, опасен на больших дистанциях, но вблизи легко пропускает противника в борт, может стрелять только вперед.

«**Император**» — самый большой в мире сверхтяжелый дирижабль, имеющий самую толстую броню и наибольшую огневую мощь, может нести на борту не только запас бомб, но и десант, в том числе бронетехнику. В более поздних классификациях превратился в летающую крепость.